

Часть III. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

С. И. Маловичко (Российский государственный аграрный университет – МСХА, Москва)

Конструирование образа национального прошлого в социально ориентированной и научно ориентированной историографических культурах

XVIII–XIX вв. явились решающей фазой утверждения европейского государства – нации и национальные идеи насыщались историческими традициями, поддерживавшими конструируемое национальное прошлое, предназначавшееся для построения социального организма и выработки национальной идентичности. Историописатели обращались не только непосредственно к государственной истории, но искали древние преднациональные мифы и народную историю, которые, как считалось, обеспечивали идеологический фундамент национального строительства.

В этот период, с одной стороны, актуализируется историографическая культура, выполняющая практические задачи конструирования национального прошлого, тесно связанная с общественным сознанием и осуществляющая контроль над национальной памятью. С другой стороны, развивается подход, состоящий в том, «что прошлое ценно само по себе и ученому следует, насколько это возможно, быть выше политической целесообразности» (Тош Дж. М., 2000. С. 15-16).

Эта «иная» история превращается со временем в классическую европейскую историографию. Уже в XVIII в. решение о «научности» и «ненаучности», «рациональности» и «нерациональности» той или иной практики историописания стало принадлежать научно ориентированной историографической культуре, что наглядно демонстрирует спор представителя последней Г. Ф. Миллера с М. В. Ломоносовым. Сложились две историографические культуры, которые формировались средой и разным пониманием ценностей. Каждая из них выполняла социальные функции, но если в историографической культуре, ориентирующейся на потребности современного общества и власти социальные функции историописания доминировали над научными, то историографическая культура, стремившаяся к конструированию «объективного» образа национального прошлого, признала приоритет научной функции перед социальной. Практика изучения истории у ее представителей несла в себе черты рационализма, и именно она закладывала основы нормативного образца исторического исследования и комплекс правил оформления исторического письма.

Вместе с профессионализацией исторического знания историография, с одной стороны, начала борьбу с социально мотивированным

истолкованием прошлого, с другой стороны, она стала отрываться от общественного исторического сознания. Отношение истории (как науки) и общества к прошлому не обязательно должны совпадать. Чаще всего они разные. Власть и общество всегда ждут определенную историографическую литературу, а подобный заказ выполняет социально ориентированная историографическая культура. Таковую практику историописания Г. В. Ф. Гегель и Р. Арон назвали «прагматической». И. М. Савельева и А. В. Полетаев размещают прагматическую историю «в пространстве между наукой и идеологией» (Т. 2. СПб., 2006. С. 412). По мнению Б. Кроче, подобное отношение к истории является «практическим», т.к. история и доминирующая над ней практическая цель в итоге превращаются в единый практический акт историописания.

Принципиальная разница двух историографических культур объясняется различием в целеполагании конструирования прошлого. Целеполагание истории не обязательно связано с дисциплинарным профессионализмом. Об этом свидетельствует восприятие подходов описания прошлого просвещенными читателями-авторами (не историками). Например, А. П. Сумароков критикует тенденциозного историка «хвалы своему соплетающий отечеству» (СПб., 1768. С. 48). В. Г. Белинский назвал ученых искавших истину «Фаустами», а тех кто «видит в истории совсем не историю, а средство к защищению и оправданию чудовищных идей» «Вагнерами» (ОЗ.1845. Т. XLI. № 8. С. 23-45). Социально ориентированная историографическая культура ближе к массовому сознанию и она оказывает большое влияние на формирование коллективной памяти.

Европейское государство на протяжении нескольких столетий научилось организовывать политику памяти. Увеличение числа наименований в XX – начале XXI вв. заставляет историков позиционироваться по отношению к такому административному или социальному спросу из-за риска оказаться в роли организаторов официальной памяти. Участившиеся наименования, не только в нашей стране, но и по всей Европе, приводят к столкновениям между профессиональной историографией и властью, наукой и ритуальным воспоминанием, подерживаемым массовым сознанием.

Конечно, профессиональная историография продолжает замечать, что историческое сознание «должно превалировать над социальной потребностью» и окончательно не расставшись с позитивизмом, призывает бороться с такой практикой историописания. Однако, на мой взгляд, бороться с проявлениями массового сознания – социально ориентированными образами прошлого, по большому счету, наивно. Надо согласиться с замечанием М. Оукшота, что «практическое прошлое – враг не человечества, а только историка» (М., 2002. С. 151). Поэтому, необходимо понять «другую» (социально ориентированную) историографическую культуру и научиться работать с массовым сознанием.

**«Национальные истории» и концепции «истории как науки»:
проблема совместимости***

В центре историко-теоретических исследований и бурных научных дискуссий стоит вопрос о роли национальных историй в формировании националистических идеологий и мобилизации национального сознания. В работах по истории историографии рассматриваются проблемы, связанные с этногенетическими мифами и с жанром «истории народа» в целом, а также использование «остаточных» мифологем в процессе последующего «нациестроительства», подчеркивается сочетание этноцентрического и территориально-государственного компонентов в национально-исторических нарративах Нового времени.

В настоящем докладе мы оставляем в стороне как «протонациональные» истории XVI–XVII вв. и «государственно-исторические» проекты XVIII в., так и романтическую историографию первой половины XIX в., и даже национально-государственную историографию европейских стран, которая во второй половине XIX–XX вв. претерпевала нарастающую «национализацию» (об этом см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 563-571; Writing National Histories: Western Europe since 1800 / Ed. by S. Berger, M. Donovan and K. Passmore. L., 1999), а также последующие волны националистической историографии в странах «третьего мира» и на постсоветском пространстве. Социальная функция «национальных историй» давно известна: ведь «без осознания общего прошлого люди вряд ли бы согласились проявлять лояльность к всеобъемлющим абстракциям» (Тош Дж. Стремление к истине. М., 2000. С. 13).

Нас в данном случае интересуют не ставшие общепринятыми в среде профессионалов суждения об избирательности, тенденциозности, мифологичности и прагматической ориентации «национальных историй». Представляется важным обратить внимание не только на базовые характеристики самой этой формы исторического повествования, но также на ее положение в пространстве историографии как академической дисциплины и сложные отношения с другими тематическими направлениями, которые в разное время формировали меняющиеся образы истории как науки.

Молодая историческая наука XIX века, с одной стороны, декларировала принципы строгой научности, приверженность критическому

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

методу и идеалу исторической истины, а с другой – ставила перед собой задачу «выразительно изложить своему государству, народу в своем исследовании и интерпретации то, что народ пережил и совершил, его самую подлинную сущность, его идею, как бы дать ему образ самого себя»; задачу, которая считалась «тем выше и плодотворнее, чем бесформеннее и безвольнее еще государственное и национальное сознание» (Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004. С. 411). Это сочетание познавательно-критической и национально-патриотической функций не было комфортным и порождало у историков, осознававших риск националистического уклона, вопрос: «не перестаем ли мы при этом быть объективными и беспристрастными?». Отвергнув ранкеанский идеал личной бесстрастности историка, Дройзен склонялся перед интересами коллективной идентичности: «Естественно, я буду решать большие задачи исторического изложения, исходя не из моей малой и мелочной личности. Рассматривая прошлое с точки зрения идеи моего народа и государства, моей религии, я возвышаюсь над своим собственным Я...» (С. 412).

Именно национальная идея более века определяла тематику исторических сочинений, но и позже уже вполне окрепшее национальное самосознание не перестало нуждаться в той постоянной «подпитке», которую ему обеспечивали «научные» версии национального прошлого. В кризисных ситуациях, требовавших упрочения национальной консолидации, идеологемы «большого нарратива» использовали не только политики, но и историки, прославившиеся критикой презентизма, но не пренебрегавшие теми «ресурсами прошлого, которые могут быть привлечены, чтобы сплотить нацию в военное время... и черпать силу из непрерывной преемственности нашей истории» (Butterfield H. *The Englishman and His History*. Cambridge, 1944).

Несмотря на то, что некоторые современные исследователи связывают рост интереса публики к истории с отказом от «мифов о судьбе нации» (Mandler P. *History and National Life*. L., 2002. P. 94) наиболее успешные версии «национальных историй», предлагаемых профессиональными историками широкой аудитории, представляют собой все тот же линейный «большой нарратив», плотно «упакованный» подвергнутыми сознательной селекции «фактами», не оставляющий места для конкурентных версий и критического разбирательства. Сами законы жанра требуют выстраивания, драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, сходящегося к коллективному субъекту идентификации и демонстрирующего ключевые «места памяти» и символы «общей судьбы», что относится к «нарративу идентичности» любого уровня. Когнитивная функция истории на национально-государственном уровне может быть полноценно реализована только в рамках *истории историографии национальной истории*.

**Национальная история
в пространстве обыденных представлений
и политической прагматики**

С момента своего возникновения во второй половине XIX в. национальная история претерпела столь существенные изменения, что зачастую ставит под сомнение правомерность своего бытования в качестве предмета серьезных научных изысканий. На одном из представительных общественных форумов, посвященных «настоящему прошлому», была высказана «несколько эпатажная мысль, что национальную историю вообще писать нельзя. Это ложная идея, поскольку история бывает только контекстуальной... Национальная история – это не пространство науки, это не пространство истины..., это пространство спекуляций, фантазий, баснословия, мифологии». Раздающиеся в данной связи призывы к избавлению от исторического солипсизма связывают понимание собственной истории со знанием «истории хотя бы соседних стран» (История настоящего. М., 2008. С. 87-88).

Процесс регионализации исторической науки, начавшийся в 1990-е гг. и совпавший с самоопределением российских территорий, являлся реакцией новых субъектов на исчезновение координирующего научного центра. В содержательном отношении он свелся к преимущественному изучению «собственной» истории, а также ее «правильному» истолкованию. Наиболее сложной и неоднозначной оказалась ситуация в полиэтничных районах страны, где история региона зачастую произвольно подменялась историей ее титульных народов. Следствием такого переосмысления прошлого стало рождение новой национальной истории с четко выраженной этнической окраской, что, по мнению специалистов, «свидетельствует о сформировавшемся специфическом феномене – этническом историзме.

Обращенность в прошлое, а также активная апелляция к нему характерны для многих российских народов, вовлеченность которых в модернизационные преобразования последних трех столетий поставила под угрозу саму возможность сохранения и передачи историко-культурного наследия последующим поколениям. Ощущение этой угрозы, нередко воспринимаемой массовым сознанием как «этнический геноцид и культурная ассимиляция» со стороны более успешных и численно превосходящих соседей, активно обсуждается и профессиональными сообществами регионов. Помимо вполне обоснованной обеспокоенности судьбой этнических культур, они пытаются прояснить и причины нынешней обостренности массового исторического сознания, состояние которого во многом определяется развитием и достижениями все той же профессиональной историографии.

В предложенном несколько лет тому назад опыте системного анализа северокавказского общества историческая память и массовое историческое сознание названы в ряду величин, обеспечивающих устойчивость любой общественной системы, а также прямо или опосредованно влияющих на социально-политическую практику. Наиболее заметным результатом этого воздействия, его показателем признается формирование и рост национального самосознания народов, претендующего на «создание “своей”, “подлинной” истории». В ее построении принимают участие не только национальные идеологи и лидеры общественных движений, но и историки.

Подобного рода истории нередко становятся средневековыми омажами, в пределах которых жизнь чужаков либо вовсе замирает, либо заслуживает незначительного упоминания. А их письменное воплощение оказывается реализацией этнических амбиций, стремящихся к воссозданию того, что не имеет какой-либо овеществленной материализации и тем самым, по представлениям национальных историографов, как бы выключает народы из потока всеобщей истории. Отсутствие письменности и грандиозных археологических памятников обрекает национальную историографию на изобретение величественного и древнего прошлого, восполняя, тем самым недостаток фактов собственной, защищающей народы мифологией.

Из этих вполне объяснимых попыток иметь достойную историю своего народа рождаются далеко идущие и небезобидные политические проекты. Так, ведущиеся уже не один год в Адыгее споры относительно даты основания ее столицы, г. Майкопа, вызвали к жизни весьма любопытное исследование, написанное «археологом, имеющее научный характер» и «адресованное не только знатокам, но и любителям истории, патриотам Майкопа и Адыгеи» (Ловпаче Н. Г.). По самым приблизительным подсчетам автора исследования, одному из археологических памятников на сегодняшний день 3200 лет и, следовательно, столько же ее неутомимым строителям – сегодняшним адыгам. Таким образом, у современного жителя республики появляется не только возможность в течение 2009–2010 гг. отпраздновать юбилей самого древнего города в России, но и решить уже давно потерявший свою сугубо академическую значимость вопрос о дате основания города.

В ситуации прогрессирующей глобализации национальная история оказывается незаменимым спутником жизни народов в открытом и усложняющемся пространстве культурного взаимодействия. В этом своем качестве она обеспечивает не только их достойное прошлое, но и приемлемое настоящее, ограниченное рампой исторических достижений. К сожалению, только лишь ролью народной утешительницы национальная история удовлетвориться не может, порождая далеко идущие политические амбиции и конфликты.

**«Национальная история»:
особенности логической структуры текста**

Интереснейшим феноменом на постсоветском пространстве стала т.н. «национальная история». Руководители каждой национальной республики стремятся создать стройный миф об историческом развитии «титового» народа и его государственности. О важности истории как идеологического оружия говорит хотя бы тот факт, что директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ длительное время являлся советником по политическим вопросам Президента Татарстана. Последний, после отставки, учредил и возглавил фонд «по возрождению» исторических памятников Болгара и Свияжска.

Идеологизация и явная политизация исторического дискурса не могли не сказаться на трудах самих татарстанских историков. Для того, чтобы проанализировать структуру их исторических сочинений, необходимо признать, что *эти работы являются больше феноменом этнографическим, чем научным*. В координатах конструктивистского взгляда на этнос «национальная история» выступает элементом конструирования самосознания и интересов определённой этнополитической общности. При этом «научность» текстов, т.е. соблюдение правил критики и интерпретации источников, в большинстве случаев, являются помехой для достижения главных идеологических целей. Структура изложения «национальной истории» подчинена той же «логике», что и миф.

Анализ сборников статей, монографий, учебных пособий и учебников, диссертаций, научно-популярных изданий, написанных в русле «национальной истории», позволил вывить следующие основные «мифологические» черты текстов.

- Наличие «мифологического времени» – периода существования великих государств древности и средневековья, «предшественников» государственности Татарстана.
- Цикличность времени – после падения Казани в 1552 г. наступило время «хаоса», и «обретение» суверенитета есть «возрождение» исходного миропорядка. Для историографического осмысления характерно чередование «свободных» и «несвободных» периодов в развитии татарской исторической науки.
- Совпадение происхождения и сущности: характеристика современной общественно-политической ситуации «подменяется» повествованием об истории возникновения отдельных её составляющих – отношения между «Казанью» и «Москвой» рассматриваются как продолжение «логики» начавшегося «ещё» в средневековье «исторического противостояния».
- Слабое различение пространственных и временных отношений – построение цепочки, иногда разделённых друг от друга тыся-

челетиями, древних и средневековых «тюрко-татарских» государств, «предшественников государственности» современного Татарстана.

- Неразделённость субъекта и объекта – в национальной истории «Я» как таковое не изучается, ведущей категорией является «МЫ», интересы человека и этноса являются тождественными.

В трудах по «национальной истории» данные мифологические элементы наукообразно «подтверждаются» значительным объёмом *тщательно отбираемого* эмпирического материала.

Полноценный анализ текстов «национальной истории» невозможен без обращения к т.н. «шизофреническому дискурсу» (об опыте применения этого понятия при изучении текстов художественной культуры XX в. см. в работах В. П. Руднева). В рамках такого подхода, текст выступает замкнутой языковой системой не связанной с реальностью (под «реальностью» в нашем случае понимаются полученные в результате научной критики источники исторические факты). Сама система построена на ассоциациях и напоминает записи речи больных шизофренией.

«Логика» мифа сродни «шизофренической», когда любая новая информация оценивается с позиций каких-либо сверхценных идей. Последние, выступая через национальную историю активным элементом конструирования этноса, могут обеспечить формирование как чувства единства нации, так и «бредовый комплекс чувства угрозы» (терминология А. Кемпинского).

Некоторые специалисты в области психиатрии отмечают социально-историческую обусловленность шизофрении (G. Devereux, G. Collomb и др.). Психиатр А. Кемпинский в книге «Психология шизофрении» констатирует: «...дальнейшие исследования шизофрении должны, помимо прочего, опираться на пограничные с психиатрией дисциплины, такие как история и теория языка, история культуры, этнология и т.п. Ибо существуют определенные аналогии, например, между диссоциированной речью и языковой магией т.н. примитивных обществ или некоторых средневековых текстов и формул, так же как и с сознательными литературными приемами, касающимися языковых структур, морфологически подобных шизофрении».

Таким образом, национальная история – это «возродившийся» на постсоветском пространстве, в силу социальных (прежде всего, ускоренная урбанизация), политических и иных причин, скрытый под «маской» научности этнографический феномен, продукт коллективного бессознательного. Его изучение является междисциплинарной проблемой и требует привлечения специалистов в областях истории, филологии, психиатрии, антропологии, культурологии, социологии, философии.

Национальное прошлое в историческом сознании декабристов

Потребность в изучении национального прошлого у декабристов была вызвана не только атмосферой всеобщего патриотического подъема после Отечественной войны 1812 года, но и стремлением включить отечественную историю в рамки всемирной. Историческое сознание декабристов и используемые ими способы репрезентации национального прошлого проявились в разных типах текстов – не только в исторических сочинениях, но и в философских, экономических, в публицистике, в художественных произведениях, в литературной критике, мемуарах, дневниках, записках и богатом эпистолярном наследии. Отечественная история была для декабристов источником «коренного русского». Так «страстное желание» декабристов «стать русскими» заставляло их выделять национальную историю из истории всемирной.

Репрезентация декабристами национальной истории осуществляется через национальные качества русского человека. Русскому человеку, по их мнению, обязательно присущи храбрость, самоотверженность, патриотизм, доброта и нравственность. Так пишет о храбрости русского Н. В. Басаргин: «...на какие жертвования готов русский народ, мало он думает о своем достоинстве, о своей жизни, когда дело идет об отечестве» (Басаргин Н. В. Записки // Н. В. Басаргин. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 124).

Такое стремление выделить героические и патриотические качества русского народа обусловлено влиянием античной традиции. Декабристы в подавляющем большинстве своем прошли через увлечение античной историей, хорошо знали ее. О чтении греческой и римской истории, «в коих редкие образцы добродетелей и любви к отечеству» (Дело П. П. Беляева // Восстание декабристов: Документы. Т. XIV. М., 1976. С. 285). Кроме того, образ античного мира у декабристов строился не на основе документальных данных или критическом анализе источников, а был всецело основан на сочинениях древних авторов, подчеркивавших определенные стороны греко-римской истории. «Мы страстно любили древних, – вспоминал И. Д. Якушкин, – Плутарх, Тит Ливий, Цицерон и другие – были почти у каждого из нас настольными книгами» (Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. СПб., 2007. С. 20). По мнению Г. С. Кнабе, «античность представлялась им (декабристам) как своеобразный миф, в котором на первый план выходили, утверждались и прославлялись лишь несколько моментов: осуждение монархии как тирании; торжество республики как свободы; нравственная ценность самоотверженной борьбы за свободу, против тирании» (Кнабе Г. С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 2000. С. 133). Так, античные образцы, находясь в тесном взаимодействии с реальностью, проявляются в историческом сознании декабристов в ви-

де призыва вдохновить борцов за лучшее будущее своей страны, служить им примером, придать их борьбе всемирно-историческое звучание. В славянском единстве и в домосковской эпохе русской истории декабристы видели залог и доказательство существования в прошлом русского народа и его духовном строе подобных античным образцам примеров пламенного патриотизма во имя величия нации.

Примечательно, что для декабристов понятия о нации и государстве являются синонимичными. Даже в тех сочинениях, которые были написаны ими в более зрелом возрасте и относятся уже ко второй половине XIX века, эти понятия употребляются в равном значении. На наш взгляд, в этом проявилось их желание приблизиться к идейным исканиям европейских просветителей, активно разрабатывавших идею сильного государства, способного сохранять спокойствие внутри страны и отстаивать интересы «своей» нации на международной арене.

Устойчивость усвоения просветительских идей декабристами подтверждается и их стремлением подчеркнуть нравственные качества русского народа. Ведь совершенство просвещения ставится декабристами в прямую зависимость от совершенства воспитания, которое, в свою очередь, должно основываться на нравственности. Таким образом, декабристы усвоили мысль Руссо, выраженную в «Эмиле» и «Общественном договоре», о нравственности как «естественной» природе человека.

Национальное прошлое воспринимается декабристами сквозь призму античной и просветительской традиции. В их историческом сознании стремление найти в национальной истории то, что позволит включить ее во всемирно-исторический процесс, сочетается с героико-патриотическим восприятием античной истории. Влияние романтической историографической традиции еще не столь отчетливо, оно заметно лишь в декабристской поэзии, что подчеркивается многими исследователями. Декабристы только начинают выделять национально-народное начало в истории. В их сочинениях оно уже смягчает холодноватую ясность античной культуры, но сопоставляется еще с той ролью народа и нации в истории, которая характерна для просветительской мысли.

А. А. Белый (Пушкинская комиссия ИМЛИ РАН, Москва)

Радищев глазами Пушкина: художественное преломление критики национальной истории

В истории России особое место принадлежит Радищеву. Традиция его прославления до сих пор качественно не пересматривалась. Но основания для такого пересмотра есть, и даны ни кем иным, как Пушкиным.

Известны две работы «позднего» Пушкина с резкой критикой Радищева: «Путешествие из Москвы в Петербург» и статья 1836 г. «Александр Радищев». Однозначной их трактовке противоречит черновая строка «Памятника» – «Во след Радищеву восславил я свободу». Это противоречие ставит историка литературы перед необходимостью вы-

явить логику отношения Пушкина к Радищеву, приведшую к вытеснению Радищева из рядов отцов-основателей русской культуры. В этом отношении ценную информацию дает сопоставление фрагментов радищевских текстов с «каменноостровским циклом» стихотворений 1836 г.

Первое стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...», представляет собой переложение молитвы св. Ефрема Сирина, что дало повод рассматривать цикл как поэтическое воспроизведение Страстной недели Великого поста. При таком освещении фигура Радищева попадает в контекст религиозных понятий.

Вторым идет стихотворение «Как с древа сорвался предатель ученик...». Оно сопоставляется с упоминанием Радищевым «села крови». Общей основой служит фрагмент из «Деяний Апостолов», повествующий о судьбе Иуды (пп. 16-19, Глава 1). Радищев эксплуатирует мотив сребролюбия – «приобретения земли несправедливой мздою». Пушкин же, возвращая пиесу в пределы «страстных» событий, усиливает мотив тяжчайшей расплаты за предательство Христа.

Стихотворение «Когда за городом задумчив я брожу...» связано общностью темы с началом радищевского «Слова о Ломоносове», в котором речь идет о городском кладбище. На этом фоне Радищев ведет рассмотрение настоящих и «пошлых» заслуг поэта, его бессмертия. Пушкин же отвергает жажду бессмертия и славы. Ему мило безвестное сельское кладбище с естественным памятником – «дубом».

Непременный атрибут христианских могил – крест. Именно он («распятие») составляет средоточие «Мирской власти». Пафос стихотворения заключен в вопросе: «К чему, скажите мне, хранительная стража?». Его можно бы считать вольной вариацией радищевской темы «Кто ж может быть судьей в обиде отца предвечнаго?». «Власть», на которую ополчился Радищев, это – цензура. У Пушкина тоже речь может идти о цензуре, но в более широком, чем у Радищева смысле – свободы совести.

Отсюда логичен пафос следующего стихотворения «Из Пиндемонти» – полное отстранение от «царя» и от «народа».

Завуалированная в этом стихотворении, тема божественного становится главной в четверостишии «Напрасно я бегу к сионским высотам».

Широко известны слова апостола: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (I Послание ап. Петра, 5:8). Пушкин их знал, как видно по тексту стиха:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Олень часто употреблялся в значении души, стремящейся к богу. У Радищева в «Путешествии» коррелятом выступает мотив сна как метафоры сна разума, духовного небытия. Отсюда смещение трактовки библейского источника к просветительской сфере умственной трезво-

сти. У Пушкина центр смещен к Греху, собственной греховности. Показательно, что у Радищева «пустыня» – противоположность приятной жизни («Един, оставлен среди природы пустынный! <...> Где девалось все, что тебя прельщало?»). Пушкинский поэтический образ ближе к христианскому: в пустыню уходили отцы-пустынники для уединения, поста и молитв.

Статья «Александр Радищев» завершается следующей выкладкой: «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Она очень напоминает слова ап. Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13.1). Близко по смыслу и другое речение, важное в аспекте мученической судьбы Радищева: «если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том ни какой пользы» (1 Кор. 13.3).

Сопоставительный анализ обнаруживает двусмысленность радищевской манеры, сделавшей текст «Путешествия...» чрезвычайно трудным для полемики. Его авторитет создается за счет христианской оболочки, но «идеология» не религиозна по своей сути. Попутно в «Путешествии» вводятся автобиографические детали, ставящие опального Радищева в один ряд с христианскими подвижниками т.е. Радищев сознательно шел на осуществление «самосакрализации».

Неприятие претензий Радищева привело Пушкина к перехвату самой идеи самосакрализации. Оно осуществлено в главном стихотворении каменноостровской группы – «Я памятник себе воздвиг...». Причины столь экстраординарного шага – предмет уже другого разговора.

Н. В. Ростиславлева (РГГУ, Москва)

Конструирование национальной историографии в Германии XIX века

В Германии XIX века национальное во многом определяло все идеологические и политические движения. Единое национальное немецкое государство возникло только в 1871 г. Насколько корректно говорить о формировании национальной историографии в отсутствие национального государства?

Историки конца XVIII – начала XIX вв. как в Европе, так и Германии занималисьписанием всеобщих историй, вписывая историю своей страны во всеобще-исторический контекст. Подобная картина наблюдалась и в первой половине XIX в. Но после разгрома наполеоновской Франции национальные приоритеты проникли в немецкую философию. Именно в таком ракурсе воспринимаются «Речи к немецкой нации» Фихте. Не осталось в стороне и историческое знание. Однако немецкие историки в то время не сумели создать подробной истории Германии.

Роттека, Нибура, Дальмана, Ранке, Дройзена и других немецких историков проблема национального волновала, но часто в своих исто-

рических произведениях они отстаивали либеральные ценности (т.е. выходили на политический уровень) и/или всецело были поглощены воплощением на страницах своих произведений критического метода. Но, на наш взгляд, процесс онструирования национальной историографии начался уже тогда. Не случайно именно Германия, которая находилась в ситуации поиска основ своей идентичности, подарила европейскому историческому знанию многих выдающихся исследователей.

Взаимодействие прошлого и настоящего – важный аспект формирования в Германии истории как науки и университетского исторического образования. Даже великий Л. Ранке, который всегда желал как можно глубже погрузиться в прошлое, признавал, что знание прошлого будет неполным без понимания современности. В настоящем решаются те вопросы, которые не решены в предыстории современности. Национальный вопрос и был той ключевой проблемой. Известный современный немецкий историк В. Хардтвиг подчеркивает, что время после Французской революции конца XVIII в. – это период возникновения классического историописания нового времени (Hardtwig W. *Geschichtskultur und Wissenschaft*. München, 1990. S. 30-31), которое характеризуется таким емким словом как историзм и которое не противоречит, по его мнению, историческим принципам эпохи Просвещения. Известно, что в рамках модернистской теории нации появление этого феномена также связано с Французской революцией. Поэтому представляет интерес рассмотреть, каким образом такие отнюдь не политические историки как Ранке, Нибур и Буркхардт были причастны к конструированию национальной истории, как они ощутили последствия Французской революции.

Что касается политических историков, таких как Дройзен, Трейчке, то их произведения, например «История освободительных войн» Дройзена или «История Германии» Трейчке могут быть поняты только в контексте складывания национального государства. С другой стороны, тревожным сигналом становления национальной историографии следует считать проявление в их трудах русофобии.

Определение национальных ориентиров и институционализация национально-исторической традиции происходила в рамках дебатов об Имперской конституции и перемирии в Мальме на заседаниях Франкфуртского парламента 1848–1849 гг. В этой связи интересен казус историка Г. Гервинуса, который заявил, что немецкая национальная линия подменяется гегемонией Пруссии в Германии и стал затем *persona non grata* в немецком историческом сообществе.

Важную роль в конструировании национальной историографии играла научно-преподавательская деятельность. Так, Дальман ежегодно организовывал своеобразный коллоквиум «*Historia patriæ*». В одном из писем он писал: «Сегодня восьмой раз я выступаю с приветственным словом по поводу доклада об отечественной истории, и никогда я этого не делал без того, чтобы не обратить внимания на трудности нашего отечества. К отечественной истории можно приближаться только с поч-

тением и добрыми намерениями, так как название отечество содержит в себе что-то природно-убедительное, наше чувство понимает его, тогда как наш ум его формулирует. Но естественному восхищению, которое должна вызывать отечественная история в каждой благородной душе, и мы хотим это признать, в нашем случае мешает только то, что наша отечественная история нуждается в единстве. Она охватывает разнообразные страны, вне находится Шлезвиг-Гольштейн, ...с недавних пор Саксен-Лауенбург». Эта цитата показывает, насколько важным был для него как историка национальный дискурс. Именно Дальман в середине 1840-х гг. хотел написать историю Германии, но цензурные ограничения этому помешали, и он опубликовал «Историю английской революции» и «Историю французской революции», где между строк читались аналогии и сравнение с прусской монархией. Размышляя на их страницах о Франции и Англии, Дальман думал о Германии.

Преподававший в Гейдельбергском университете Г. Гервинус был одним из первых историков, отстаивавших политическую легитимацию как главную проблему возникшей в 1871 г. Германской империи.

Н. А. Селунская (ИВИ РАН, Москва)

**Медиевистика как национальная историография
(на примере итальянской школы
юридических и экономических исследований рубежа XIX–XX вв.)***

П. Бурдьё недаром взял эпиграфом к своему труду по изучению производства символической продукции (Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии) слова Пруста из «Содома и Гоморры»: «...Теории и школы – те же микробы или кровяные шарики: пожирают одна другую – и от этого зависит непрерывность бытия». Суть рассуждений Бурдьё, которые когда-то представлялись революционно смелыми, а сейчас являются хрестоматийными (но не становятся от этого менее значимыми) сводится к следующему: История интеллектуальной и художественной жизни может быть понята как история изменений функций и институций по производству символической продукции и самой структуры этой продукции, что соотносится с постепенным становлением интеллектуального и художественного поля, т.е. как история автономизации собственно культурных отношений производства, обращения и потребления.

Одной из важнейших тем в этом производстве, по крайней мере с начала Нового времени, является воспроизводство символических ценностей, связанных с тем или иным мифом национальной истории.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт 02.740.11.0350.

В особенно любопытных случаях (которые в сущности являются наиболее показательными для национальных историографий рубежа XIX–XX вв.) речь идет о такой символической продукции и самой структуре воспроизводства этого символического мифологизированного капитала, который принимал формы «научного» дискурса, понятийного языка позитивизма или некоторых более менее либеральных разновидностей марксизма. Таким образом, на мой взгляд, можно охарактеризовать и ситуацию сложившуюся приблизительно сто лет назад в Италии.

Ключевую роль в этот момент в развитии национальной школы историографии играли вопросы истории средневекового периода и прежде всего вопрос об общине (коммуне) как основе общественного развития итальянских земель на протяжении их истории, а также тренд экономико-юридических исследований, виднейшими представителями этого направления являлись историки Джоаккино Вольпе и Ромоло Каджезе.

Доклад будет посвящен рассмотрению особенностей данной школы историографии как сообщества интеллектуалов, как определителя образа исторической науки того периода в целом, и как влиятельного института в том смысле слова, который используется творцами теории «колеи», или «зависимости от пройденного пути» (path dependence), ибо деятельность этой интеллектуальной группы и ее наследие отражались очень продолжительное время – вплоть до 70-х – начала 80-х годов XX века – в характере развития исторических исследований (прежде всего исследований по средневековой истории) в Италии, а также, как это ни парадоксально, и в России.

При этом мы будем исходить из того положения, также сформулированного Пьером Бурдьё, что «в отличие от поля массового производства, которое подчиняется закону конкурентной борьбы за завоевание как можно более обширного рынка, поле ограниченного производства стремится *самостоятельно* создавать свои нормы производства и критерии оценки своей продукции, оно подчиняется закону конкурентной борьбы за чисто культурное признание со стороны коллег, являющихся одновременно клиентами и конкурентами».

В этой связи будут рассмотрены некоторые дискуссионные моменты и даны сравнительные характеристики аспектов творчества Вольпе и Каджезе (вплоть до прямого интеллектуального диалога и взаимного рецензирования). Будут также проанализированы тенденции в развитии историографии городской общины и сельской общины, заложенные соответственно Вольпе и Каджезе, как континуитетные доминанты средневековой истории XX века. С другой стороны, в отличие от историографии собственно националистического характера фашистского периода, с присущей такой национальной историографии отличительной чертой средневековизма (извечный характер общины(коммуны) как предтечи общегосударственной фашистской общины), либеральная историография, представленная поколением Вольпе и Каджезе, не наделяла антропоморфными характеристиками нацию, и даже не допускала натурализации, антропоморфизма в описании таких категорий как классы и коммуны.

Представляет особый интерес изучение взаимодействия дискурса указанной школы исторических, юридических и экономических исследований, ориентированных на обособленную интеллектуальную группу, с полем науки периодов тоталитарного режима, в тот момент, когда историческое описание призвано к широкому и популярному изложению. Следует констатировать, что влияние этой либеральной и условно марксистской группы интеллектуалов, как на историков-медиевистов фашистской Италии, так и СССР, как это ни парадоксально, было велико.

Т. А. Сидорова
(Сочинский филиал РГСУ)

«Английский» компонент как фактор национальной истории в британской историографии рубежа XIX – XX вв.: Ф. У. Мейтленд

Национальная историография всегда несет на себе печать национальной истории, отражающей специфику национального характера, особенности менталитета народа, и являющейся опосредованным объектом познания историографа.

Историю Англии изучали, изучают и будут изучать в исторической науке разных стран, но только «английская» английская историография обладает той специфической самобытностью, которая отличает ее от англоязычной.

В английской историографии второй половины XIX – начала XX вв. английский компонент является одним из определяющих факторов национальной историографии.

В широком смысле английским компонентом включает совокупность многовековых традиций изучения и написания «своей» истории, исследовательских стратегий, наличие приоритетных тем, влияние научных школ и признанных научных авторитетов. «Узкий» – представляет собой их воплощение в творчестве историка национальной историографии, усиленных и субъективизированных индивидуально-личностными чертами. Историк выступает как носитель собственных национальному сообществу ученых черт и признаков, называемых «характерными», и придает им форму индивидуализированной выразительности.

Персонификация эпох в исторической науке объясняется тем, что наиболее крупным и талантливым историкам удалось отразить в своих трудах самобытные национальные особенности осмысления путей исторического развития объекта исследования. В английской историографии XIX века можно говорить о пролонгированных эпохах Актона, Стеббса, Гардинера, Мейтленда и др., которые мыслили английскими категориями, писали и жили по-английски, были воплощением образа английского джентльмена.

Понятие «джентльмен» вбирает в себя происхождение, образование, стиль и круг общения, набор морально-нравственных принципов,

манеры, ценностные ориентации, политико-партийные и иные преференции, привычки, традиции, исторические представления и стереотипы, юмор, уклад и образ жизни в целом. Оно придает историческому произведению неповторимую глубину, укоряняет его системно.

Ф. У. Мейтленд (1850–1906) – один из самых «английских» историков в национальной историографии второй половины XIX – нач. XX вв.

Английское в Мейтленде – путь к раскрытию особенностей восприятия истории Англии как истории родной, отечественной, проникновению вглубь научной лаборатории через специфику менталитета этнической общности.

Английский джентльмен Ф. У. Мейтленд – человек из хорошей семьи и хорошего происхождения, владелец манора в Глостершире, дававшего «свободные» средства - источник независимости благородного человека, позволявший иметь досуг и увлечения. Он – член многочисленных клубов и обществ, обладатель безупречной манеры держаться в обществе, включающей врожденную недемонстративность, правило «не быть личным», то есть не выставлять напоказ свою эрудицию, не вести разговор о самом себе, и особого юго-восточного произношения и интонации, указывающих на принадлежность к кругу избранных, тех, кто обучался в публичной школе и одном из «старых» английских университетов.

Как англичанин он гордился своей страной, ее могуществом, процветанием, достижениями, политическими институтами, демократическими завоеваниями, свободами, стабильностью и талантливо утверждал это убеждение своими исследованиями, выдвинув политическую историю в число приоритетных направлений британской историографии.

Конфессиональная индифферентность не привела к утрате чувства религиозного, ставшего для Мейтленда возвышенно-священным отношением к истории и ощущением высокой ответственности перед современниками и потомками за результаты своего труда. Профессиональные заповеди Т. Мэдокса: «написание истории является в определенном смысле актом религиозным» и Л. фон Ранке: «следовать правде и вверить результаты Богу» – стали его профессиональными заповедями. А церковно-религиозный агностицизм - источником двух присущих Мейтленду-историку качеств: постоянных сомнений в достоверности фактов и критического отношения к историческому материалу и текстам источников.

Он писал на изысканном литературном английском, с присущим ему английским чувством юмора, который пронизывал все труды: несмотря на их строгие цели и высоко техничные детали, он проникал даже в их названия и сноски.

Лингвистическая одаренность Мейтленда позволяла с легкостью изучать любой язык, в котором он чувствовал профессиональную потребность: немецкий, испанский, англо-саксонский и англо-нормандский, открывшие ему свои «варварские» секреты. До сих пор филологи с поч-

тением говорят о его научных исследованиях в области средневековой европейской лингвистики и ссылаются на «Закон Мейтленда».

А. Н. Савин отмечал, что «английский ученый оппонент есть почти всегда джентльмен». Рецензии, написанные Мейтлендом, действительно отличались изысканностью стиля, деликатностью и представляли собой образец профессиональной этики.

Таким образом, английский компонент – один из важнейших показателей национального в национальной историографии.

Р. А. Идрисов (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Проблема выбора приоритетов в современной историографии Казахстана

Современная историография постсоветских республик испытывает проблемы, в целом схожие с ситуацией в российской исторической науке. Среди них наиболее существенной является выбор новой методологической парадигмы. Следует отметить, что более или менее успешных попыток продвинуться в этом направлении было сделано немало.

В казахстанской историографии эта проблема приобрела свой оттенок, присущий исторической науке новых национальных государств. Главная задача – выбор приоритета, что брать за точку отсчета: национальную историю казахской нации или государственную историю Республики Казахстан. Задача оказалась неразрешимой в том смысле, что абсолютное большинство написанных за последний период в республике исторических работ, путая эти два имеющих право на существование подхода, систематически подменяют один другим.

Подобная «неразделимость» приоритетов вызвана объективными причинами, не зависящими от воли конкретных авторов. Казахстан и сегодня, по истечении начального периода формирования суверенитета, полиэтничное государство. Поэтому с позиции сохранения внутренней стабильности, использования максимального потенциала представителей различных этнических групп, проживающих на территории страны, выбор государственного приоритета представляется вполне логичным. Однако история взаимоотношений этих народов, прежде всего русского и казахского, теперь уже не представляется такой однозначно благополучной. Написание работ с позиции национального приоритета получило поддержку и у определенных сторонников подобного политического курса, поэтому он стал все более явно заявлять о себе. Тем более, что с научных позиций он не требует серьезных самостоятельных исследований, достаточной внешней смены акцентов, вольного толкования уже известных источников, и готов очередной проникнутый «патриотической болью» рассказ о том, как «ужасные русские» притесняли «несчастных казахов».

На самом деле, «чистых» работ второго плана не много, и отношение к ним у серьезных историков соответствующее. С другой стороны этот подход присущ сейчас в определенной степени всем. Правилom хорошего тона стало делать некоторые замечания в этом направлении, даже если собственно по теме работы этого не требуется. Спорность второго подхода неизбежно приводит к элементу мифотворчества в исторической науке, попытке выстроить стройную линию формирования и развития казахской нации, начиная ее как можно глубже. Сегодня эта тема плотно оккупировала массу исторических и псевдоисторических трудов, написанных молодыми авторами на казахском языке, а потому остающихся неизвестными для широкой среды российских исследователей.

Между тем история Казахского государства сегодня ни в коем случае не может строиться из начального посыла преобладания государствообразующей нации. Только отказ от него может дать перспективу будущего развития, теоретическую основу формирования новой государственной идеологии. Некоторые наработки в этом направлении уже есть. Так можно отметить исследования таких специалистов-историков, как Ж. Б. Абылхожин, А. Ш. Кадырбаев, Т. И. Султанов, И. Н. Тасмагамбетов, ныне покойный Н. Э. Масанов, известные, в том числе и в России. Среди опубликованных трудов последнего периода необходимо выделить работу востоковеда А. И. Оразбаевой «Цивилизация кочевников евразийских степей» (Алматы, 2005), в которой автор в частности задается вопросом соотношения социального и государственного в кочевом обществе. Однако работ подобного плана достаточно немного и отношение к ним официальной исторической науки далеко не однозначно.

Изменить сложившуюся ситуацию могло бы усиление позиций российской исторической науки, ныне отказавшейся от патронирующей роли в новых национальных государствах. Этот внешне благовидный отказ привел к изоляционизму в выработке собственных подходов в исторических школах постсоветских республик. Теперь повлиять на сложившееся положение дел достаточно сложно. Тем не менее, определенная работа в этом направлении вестись должна. Иначе образовавшаяся пустота будет быстро занята другими. Интерес к казахстанской исторической науке сейчас, в частности, испытывают ученые из Турции и Китая. Даже внешне не сложно заметить возросшее число научных контактов, общих проектов. Существуют и попытки прямого давления в тематике исследований. Турецких историков, например, до сих пор интересуют перспективы развития пантюркизма в Казахстане, сторонники этого направления есть и среди самих казахстанских ученых. Позиции пантюркистов далеко не главенствующие и, в общем, имеют право на существование. Однако дальнейшее расхождение исторических школ России и Казахстана может закончиться системным непониманием, потерей общего научного поля, и как следствие для самой исторической науки Казахстана – победой национального подхода над государственным.

Исследование истории Беларуси в Республике Беларусь: достижения, проблемы, перспективы

Белорусская историография истории Беларуси прошла в своём развитии два этапа. Первый этап начался с момента зарождения настоящей историографии и окончился в момент появления независимого государства под названием Республика Беларусь. Второй этап, который является предметом исследования в данной публикации, хронологически совпадает с историей существования этого государства.

Второй этап стартовал в условиях, когда вся историческая наука в Республике Беларусь находилась на перепутье. Соответствующий сегмент научного сообщества остро нуждался в коренном изменении методологической базы. Исчезновение диктата КПСС, появление реальной свободы творческого поиска, беспрецедентное расширение источниковой базы предопределили постановку вопроса о необходимости принципиально новых концептуальных подходов в процессе исследования исторических явлений и процессов. В результате интенсивных инновационных поисков, связанных с методологией истории, статус базисного приобрёл цивилизационный подход, в исследовательский процесс прочно вошла междисциплинарность, впервые стали реализовываться возможности устной истории, была заполнена ниша для использования синергетического метода, для исследовательского корпуса появилось принципиально новое поле – история повседневности и микроистория. Именно с именами субъектов подобных поисков связано кардинальное изменение оценок и выводов, относящихся к истории Беларуси. Эти субъекты стремились доказать свою правоту в непростых дискуссиях с оппонентами.

В ходе дискуссий коренной концептуальной ревизии были подвергнуты такие наиболее значимые проблемы белорусской истории, как: характер государственности на белорусских землях в период раннего средневековья (IX–XIII вв.); процесс формирования государственности в Великом княжестве Литовском и роль в этом процессе белорусского фактора; значение белорусской культуры и белорусского этноса в формировании культурных и политических традиций Великого княжества Литовского; роль военных конфликтов с восточным соседом – Россией – в XVI–XVIII вв.; роль христианства и христианских конфессий в истории Беларуси; Октябрьский переворот 1917 года и политика советского государства; особенности процесса национально-культурного развития белорусов в XIX–XX вв. и процесс генезиса капитализма в Беларуси; история регионов Беларуси; история белорусского шляхетства и дворянства.

Анализ современной белорусской историографии истории Беларуси был бы не полон без показа имеющихся проблем. Абсолютное большинство публикаций посвящено явлениям и процессам, имевшим

место в последнее столетие. Этот перекокс привёл к тому, что не осваивается значительное количество проблемных полей. «Много нерешенных вопросов остается в исследовании эпохи феодализма, что затрудняет анализ “сквозных” крупных проблем истории Беларуси X – начала XX в. Вследствие этого представляются ограниченными возможности создания обобщающих исследований по ряду фундаментальных проблем (история конфессий, эволюция сословно-классовой структуры белорусского общества и политико-правовых институтов власти, история менталитета и др.)». Следует отметить:

1. За постсоветский период сформировалась мощная организационная структура исторических исследований. В эту структуру входят претерпевший удачную реорганизацию Институт истории Национальной академии наук Беларуси (НАНБ), занимающиеся историей Беларуси отделы Института этнографии, искусствоведения, фольклора НАНБ, соответствующие центры, лаборатории белорусских вузов, кафедры истории Беларуси университетов, а также центры, свидетельствующие о подключении к исследовательскому процессу институтов гражданского общества.

2. Государство активно стимулирует наиболее важные направления соответствующих исследований. В Республике Беларусь на постоянной основе действует Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ), который предоставляет гранты для учёных, задействованных на этих направлениях.

3. Анализ кандидатских диссертаций, магистерских, дипломных работ показывает, что среди молодых белорусских специалистов-историков есть много тех, кто способен решать серьёзные задачи, которые стоят перед наукой данной страны.

Таким образом, в Республике Беларусь широким фронтом развернулось исследование истории Беларуси. В этой имеющей очевидные перспективы многоплановой работе имеются как серьёзные достижения, так и нерешённые проблемы.

Р. Ф. Набиев (Казанский юридический институт МВД РФ)

Булгарский вопрос и концепция отечественной истории

Внесение булгар в перечень народов для проведения всероссийской переписи обсуждается общественностью Татарстана и других республик Поволжья. Особое внимание этому вопросу придает национальная интеллигенция, этнографы и историки.

Ажиотаж вокруг этого решения отсутствует, однако многие аналитики понимают, что потенциал этого решения намного шире, чем формальная фиксация некоего «народца» в 1000-2000 человек.

Тема болгар/булгар на страницах научных журналов поднималась неоднократно. В прошлом столетии, например, он рассматривался Н. С. Державиным, Т. А. Трофимовой, А. П. Смирновым, (1946),

Т. Федосовым (1932), Златковской (1972), А. П. Каждан, Д. Ангеловым (1973), В. Алексеевым, Д. Е. Еремеевым, Б. Путиловым (1962) и мн. др. Чаще они были посвящены западным булгарам – черноморским булгарам. В ряде статей фрагментарно рассматривались культура, история и связь средневековых болгар/булгар и тюрков Поволжья («Советская этнография» 1948). Но в них, как правило, булгары рассматривались как вымершие предки того или иного народа Поволжья. Одним из тех кто отчетливо видел в народах Поволжья продолжателей болгарской культуры и государственности был В. Н. Татищев, предлагавший переименовать регион Средней Волги Булгарской провинцией (или губернией).

Отдельный материал о булгарах как о реальном современном народе еще не публиковался в русскоязычных журналах нашей страны. Нет истории булгар. Не рассматривался, даже в общих чертах вопрос о влиянии культуры ранних булгар на предков современных народов.

Поразительно, но мощное образование, в течение сотен лет доминировавшее в Европе, создавшее несколько империй, объединявшее ряд археологических культур (и предков многих народов Евразии) неизвестно многим историкам, не говоря уже о политиках и широких слоях населения! Зафиксировать данное упущение и в какой-то мере обозначить возможные перспективы его разрешения и призван мой доклад.

Все более актуальной становится опасность, публично сформулированная С. Ю. Байч в следующем виде: «Результатом отсутствия (научной) концепции (истории) может стать искаженное сознание нашего общества» (ОИ. 2008. № 3. С. 159). Закономерность выражена точно, следует лишь этот постулат сформулировать в прошедшем времени: и сознание и мировоззрение искажены давно и реалии нашей жизни являются безусловным следствием этого. . .

«Возрождение» булгар и «появление» болгарской истории позволяет не ломая в корне придать ущербной концепции российской истории подлинно научную направленность. Она позволяет политически объединять (а не противопоставлять) прошлое народов нашей страны. Реальная и неразрывная история нашей государственности, соединяя культурой древних булгар «Киевскую Русь» с гуннами, скифским и киммерийским периодами, не уступит по древности и значимости римской. История болгарской государственности способна выявить общие основы государственности для всех народов европейской части и многих народов Азии.

Включение болгарского этапа в концепцию Отечественной истории позволяет выявлять реальные связи восточноевропейской культуры русского периода с древними культурами Кавказа, Хорезма, Боспора и киммерийцами, сарматами. . . продлевая историю страны на тысячелетия.

Евразийское видение истории жизненно необходимо в наше время, в условиях, когда Страна вымирает и стоит перед десятком глобальных проблем. Опыт прошлого, прослеженный на примере предшествующих евразийских культур, предоставляет в наше распоряжение целый комплекс способов и мер для их скорого и эффективного разрешения.

С учетом этого опыта становится очевидным, например, недостаточная продуманность ряда национальных программ и даже сама постановка задач для них. Очевидно, что мероприятия, проводимые в рамках демографической программы, гарантированно не дадут ожидаемого эффекта в будущем.

Одним из непререкаемых условий для этого является адекватная политика, построенная на подлинно научной исторической концепции, основанной на объективном изучении фактических данных и закономерностей. Лишь та страна, которая окажется в состоянии отказаться от узконациональных приоритетов в идеологии сможет претендовать на реальную роль лидера на континенте.

Вопрос лишь в том, кто окажется более гибким и толерантным.

Судьбы Евразийской державы, прослеженные на протяжении тысячелетий, позволяют выявить целый ряд закономерностей в сфере политики, экономики, логистики, демографии и пр., которые явственно сказываются и в наше время, но используются далеко не в полную силу.

Даже механическое введение в историческую концепцию болгарского этапа способно в корне изменить направленность отечественной истории и выпукло демонстрировать уроки прошлого и некоторые закономерности развития.

О. М. Мельникова (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Археология Удмуртии сквозь призму национальной истории и национальной историографии

Обсуждение проблемы национальной истории и национальной историографии остро проявляется в предметной сфере истории народов, составляющих титульные нации субъектов Российской Федерации. Она имеет немало методологических, понятийных, теоретических оснований. Одна из них – соотношение понятий «региональная история» и «национальная история».

В изучении истории Удмуртии эта проблема всплывает с регулярным постоянством, поскольку сам административный феномен Удмуртии возник лишь в советское время. Всякий раз историки вынуждены обосновывать, что они понимают под понятием «Удмуртия». Особо остро эта проблема встает, когда к изучению дописьменных периодов подключается археология. Возможно ли вообще говорить о древней истории Удмуртии, писанной на основе не письменных источников как истории национальной?

Эти размышления возникают, когда археологические исследования выходят за рамки собственно предметной сферы археологии и становятся основой для написания историй дописьменного периода.

Первая такая попытка в Удмуртии была предпринята в середине XX в., когда Удмуртским научно-исследовательским институтом были изданы «Очерки по истории Удмуртской АССР». В части древней ис-

тории в соответствии с марксистской парадигмой очерки исходили не из содержания археологического источника, а из утвержденного Институтом АН проспекта книги. Он жестко регламентировал содержание главы о первобытной истории.

В 2007 г. археология в Удмуртии сделала новый шаг в изучении ее древней истории публикацией «Истории Удмуртии с древнейших времен до XV века». От жанра очерков ученые подошли к монографическому осмыслению темы. Это достаточно непростая задача, поскольку авторы, взявшие на себя эту миссию, должны были «перевести» язык преимущественно вещных источников на язык письменного научного исторического текста.

Опыт написания «Историй» на основе неписанных источников весьма скуден. Думается, что попытка создания древней и средневековой региональной (национальной?) истории удалась, хотя, безусловно, она не может не вызывать и возражений, в первую очередь, именно из-за трудностей «перевода» информации вещественных источников, а также приверженности авторов к разным научным подходам и школам.

Авторы исследования использовали познавательные возможности хронологического подхода. Следуя традиционной концепции «трех веков», они последовательно характеризуют историю населения, проживавшего на территории современной Удмуртии, сквозь призму содержания этих археологических эпох. Исследователи осознают и комплексный, и междисциплинарный характер проблемы. Первый отчетливо проявляется в комплексном использовании источников как с точки зрения их изучения науками социально-гуманитарного и естественного циклов, так и максимально возможного круга источников внутри этих дисциплин. Междисциплинарность проявляется в применении методов разных наук, их понятий, категорий, концепций.

Многие сюжеты монографии восходят к марксистскому объяснению особенностей исторического процесса. При этом авторы не склонны их схематизировать, они активно стремятся осмыслить общее и особенное, закономерное и случайное, типичное и индивидуальное в той мере, в какой это позволяет современная методология комплексного источниковедения и способы реконструкций, основанные на немарксистской традиции. В этом плане весьма удачно использование такой категории анализа как «культурные миры».

Многообразие источников по ранним периодам истории и разный уровень развития методологии их изучения обнаруживает различие точек зрения ученых в их объяснении. Поэтому авторы, хотя и придерживаются в целом единства в понимании исторических процессов в древности и средневековье в исследуемом регионе, на уровне интерпретации исторических фактов в ряде случаев обнаруживают расхождения.

Иллюстрации дают представление о развитии материальной культуры общества, его духовных ценностях, трансформированных в те или иные объекты вещного мира, роли технологических новаций в историческом процессе. Показательны антропологические реконструкции,

дающие возможность читателю «встретиться» с действующими лицами истории. Впервые представлены археологические карты региона во все периоды, исследуемые в книге. Их сравнительный анализ позволяет увидеть историческую динамику освоения территории и историю формирования народов в регионе.

Акцент в исследовании сделан на этнической истории удмуртов. Но здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой предмета исследования: когда речь идет об истории Удмуртии – о какой и чьей истории должна идти речь? Об этнической истории народа, сформировавшегося на этой территории? Или об истории разных народов, оказавшихся в процессе этногенеза в силу разных исторических обстоятельств на этой территории?

И. Л. Григорьева (Новгородский ГУ)

Проблема генезиса высшей школы России в освещении национальной историографии

В зарубежном труде «History of the University in Europe», предпринятом Европейской ассоциацией университетов для обобщения достижений современной университетологии, процесс основания университетов представлен как «экспансия» определённых образцов высшего образования. По мнению Л. А. Бортник, основы университетской политики европейских государств заложили грамоты императора Фридриха Барбароссы болонским школам, а также грамота французского короля Филиппа II Августа Парижскому университету. Постепенно продвигаясь в Восточную Европу, университетская идея, полагает Л. А. Бортник, реализовалась в создании университетов в Праге, Кракове, Вильно, Дерпте и в других городах, а её дальнейшее продвижение на восток обусловило появление Киево-Могилянской академии (К-М), Московской Славяно-греко-латинской академии (М), Академического университета в Петербурге и, наконец, Московского университета. По мнению А. Ю. Андреева, с рубежа XVII–XVIII вв. поставщиками университетской идеи в Россию были, с одной стороны, южнонемецкие и польские католические земли, с другой – земли северонемецкие, протестантские. На пути первого маршрута появились К-М и М академии; второй путь привёл к созданию Московского университета по образцу университетов в Галле и Гёттингене.

Рассматривая итоги продвижения университетской идеи по первому пути, А. Ю. Андреев охотно использует понятие «православный университет». К числу таковых он относит К-М и М академии, которые, одновременно представляя образцы «доклассического» университета. Высказанное мнение историк мотивирует наличием у обоих учебных заведений Жалованных грамот, дарованных высшей властью. А. Ю. Андреев подчёркивает их историческое значение и называет «подобием тех грамот, которыми в Европе, начиная с XII в., от имени верховной власти гарантировались права «доклассических» университетов». Если К-М академия уже в начале XX в. была признана в

отечественной историографии первым российским высшим учебным заведением, получившим права от верховной власти, то ситуация с М академией более сложная. По мнению А. Ю. Андреева, «более корректным» будет считать, что это учебное заведение, созданное, «на базе славяно-греко-латинского училища Лихудов, открытого в 1685 г.», появилось в качестве «академии» лишь в 1701 г., когда, согласно Жалованной грамоте царя, стало копией К-М академии и приобрело статус второго православного университета в России.

Рассматривая историю К-М и М академий, А. Ю. Андреев отвергает достаточно распространённый стереотип, согласно которому период «доклассического» университета в России – единственной стране в Европе – отсутствовал. Даже признавая значение Острожской школы, как предтечи всех российских университетов, он указывает на отсутствие у неё статуса академии. Равным образом он отрицает право именовать «восточнославянской академией» за Новгородской школой братьев Лихудов, поскольку её открытие «не сопровождалось никакими указами со стороны высших властей (имело место лишь распоряжение новгородского архиепископа)» (см.: Андреев А. Ю. Начало университетского образования в России в отечественной и зарубежной историографии // ОИ. 2008. № 4. С. 157).

Признавая резонность высказанных исследователями замечаний, обратим внимание на игнорирование ими некоторых важных аспектов проблемы генезиса высшей школы. Отказываясь от признания характера учебной деятельности и сочетания её с наукой главным критерием уровня учебного заведения, они предпочитают связывать этот критерий преимущественно с социальной практикой. Исследователями игнорируется связь между типом учебного заведения и характером цивилизации, в рамках которой оно сложилось. Неудивительно, что значимыми фактами российской истории у них оказываются лишь те культурно-образовательные формы, которые транслировались с цивилизационного пространства Запада. Между тем, в отечественной науке существует обоснованное мнение о том, что основополагающие усилия по созданию в России регулярной школы были предприняты Московским патриархатом при поддержке царской власти таким образом, что «трансфер» университетской идеи в Россию был в первую очередь осуществлён с Христианского Востока, благодаря образовательной миссии учёных греческих иеромонахов Иоанния и Софрония Лихудов.

Представленная тенденция в отечественной историографии свидетельствует, на наш взгляд, как о недооценке византийской традиции в русской культуре, так и об учёте специалистами существующего и в России, и за рубежом негативного отношения к духовной парадигме Древней Руси, принятой русской Церковью из «разлагающейся Византии».